

Пролог

Иногда город вспоминает, что он — живой.

Не тогда, когда гудят машины, и не когда в стеклянных шпилях небоскребов зажигаются огни. А тогда, когда ночь прижимается к мостовой мокрым горлом и из щелей в брусчатке выползает тишина, древняя, как вода. В этой тишине можно услышать, как по старым камням скользят тени тех, кого здесь больше нет. И тех, кто только должен прийти.

Она всегда знала, что магия не умерла. На смену живым ключам пришли архивы, на смену тропам — асфальт. Но песнь силы нельзя заглушить навеки. Она стучит в сердца тех, чья кровь помнит.

И вот он — город. Приморский, пропахший рыбой, солью и чужими надеждами. Он стонет во сне, этот город. Он видит сны, в которых женщины с иссиня-черными полосами на шее молчат о своем последнем свидании. А по их квартирам, как дотошный архивариус, уже прошелся кто-то чужой. Кто-то, для кого смерть не конец, а лишь запятая в длинном нерасшифрованном предложении.

Они думали, что охота на ведьм осталась в темных веках. Они ошиблись. Охота лишь сменила костры на леску, а инквизиторов — на мужчин с обаятельными улыбками и холодными, как галька на глубине, глазами.

И теперь она шла по его следу. По едва уловимой мелодии, что звучала на одной ноте — ноте страха.

Город смотрел на нее с высоты своих спящих крыш. В его молчании был слышен вопрос, который она задавала себе каждую ночь: «Кто кого ведет на поводке: охотник — жертву, или жертва — охотника?»

Игра начиналась. И ставка в ней — жизнь.

Глава 1.

Воздушные ямы

Магия не ушла. Ее усыпили. На смену живым ключам пришли рунные швы, на смену ковенам — архивы, на смену тропам — асфальт. Но песнь силы нельзя заглушить навеки. Она стучит в сердца тех, чья кровь помнит. Услышь ее шепот, пока другие не превратили его в крик.

«Хроники Рода. Моим дочерям и дочерям моих дочерей»

Майя

Самолет в воздушную яму не входит плавно. Он в нее падает. Резко, без предупреждения. Так же, как и память.

Паническая атака подбиралась к горлу холодными щупальцами. Единственный способ не сойти с ума здесь, на высоте десять тысяч метров, — уйти в другое безумие, которое можно контролировать.

На откидном столике перед ней среди документов по делу лежала фотография третьей жертвы. На фото она была запечатлена живой. Живые на фотографиях всегда выглядят так, словно не верят в возможную смерть, и этим ранят сильнее любого протокола. Улыбчивая брюнетка с бездной в глазах. Ее звали Ирина. Молодая, яркая, ей бы еще жить и жить...

Нырок.

Ну, родная, давай познакомимся с твоим монстром, мысленно прошептала Майя, проведя влаж-

ными ладонями по внешней стороне бедер, мягкий трикотаж платья мгновенно нагрелся под ее прикосновениями. Она сделала вдох — короткий, как перед прыжком в холодную воду, — и позволила реально-сти расступиться.

Первыми пришли звуки: приглушенный смех, джазовая фортепианная дробь, звон бокалов. Потом запахи — *ее* нишевый парфюм, табачный дым, едкая острота мужского одеколona. Зрение подключалось последним, как плохо настроенный телевизор.

Картинка плыла, выравнивалась. Бар. Полумрак. Девушка, уже расслабленная и захмелевшая, опирается на стойку. Рядом с ней тень. Мужской силуэт. Высокий, широкоплечий. Майя попыталась его обойти, увидеть лицо, но ее сознание скользило по краям, как камера с фиксированным фокусом. Он что-то говорит, голос низкий, обволакивающий, обаятельный. Женщина смеется, запрокидывая голову.

Потом резкая смена кадра. Улица. Влажный ночной асфальт, отражающий огни рекламы. Девушка пытается поймать равновесие, ее аккуратная шпилька царапает бордюр. Сильная рука ловит ее под локоть, помогает сесть в такси. Не ее такси. Его.

Майя почувствовала холодный укол паники.

Как же ты пожалеешь об этом, милая...

Видение дернулось и поплыло. Теперь прихожая. Ее квартира. Приглушенный свет бра, запах первой тревоги и чего-то химического, сладковатого. Хлорка? Смех девушки — уже нервный, прерывистый. Игра закончилась.

Покажи лицо, сволочь, мысленно выдохнула Майя, изо всех сил концентрируясь на силуэте, который приближался к жертве.

Глухой вскрик. Рука с безупречным маникюром, слепо шарящая по паркету, цепляющаяся за ножку стула... Сильные пальцы, впивающиеся в шею, затягивающие тонкую, почти невидимую петлю... Не веревку. Леску.

И тут он повернулся. Не полностью, лишь на три четверти, но этого хватило.

Ровный профиль. Холодные, светлые, почти бесцветные глаза. И шрам у ключицы. Маленький, белый, серповидный, как след от осколка.

В тот же миг этот взгляд, казалось, впился прямо в нее. Сквозь время, сквозь слои реальности. Он смотрел на Майю. Видел ее.

Это. Мать вашу. Невозможно.

Левая ладонь, та самая, что всегда холодела при нырке, вдруг вспыхнула пульсирующей болью. Как будто ее прижали к раскаленному утюгу. Майя чуть не вскрикнула, теряя концентрацию. Видение поплыло, закрутилось вихрем.

Тишина. Абсолютная. Та, что наступает после самого громкого в мире крика.

И в этой тишине низкий, спокойный голос, обращенный к ней:

Опередила график, ведьма. Я тобой доволен.

Майю вырвало из нырка так резко, что она чуть не вскрикнула. Сердце бешено колотилось. Девушка разжала кулак, ожидая увидеть ожог, но кожа была чистой. Лишь крошечная родинка под мизинцем, которой не было раньше, пылала, как раскаленная игла.

«Я тобой доволен».

Слова маньяка повисли в воздухе, ядовитые и неоспоримые. Он знал. Ждал. Игра началась не в том

душном провинциальном отделе, куда ее сослали. Она началась здесь, на высоте, в пасти между прошлым и будущим.

Он был где-то там, внизу. В приморском городе Н. Со своим шрамом и леской.

И он приготовил для нее особую петлю.

Глава 2.

Волк

Оборотень не монстр. Это вечная борьба. И его превращение — это не яркая вспышка, а три контура. Сначала меняются чувства: зрение, слух, обоняние. Потом меняется челюсть, появляются клыки, глаза полыхают желтым огнем, походка становится звериной. И лишь в крайней ярости ломаются кости. Больно. Унизительно. Ибо высшая цена — не столько физическая боль, сколько риск забыть себя и тех, кого любишь. Мудрый зверь предпочтет всегда оставаться на первом контуре, лишь краем глаза наблюдая за тенью второго.

Из книги «Шепот крови», глава о двойной природе

Артем

Квадрат пятиэтажек на отшибе города в пятом часу утра был его территорией. Еще до того, как первые птицы начинали перекличку, старший следователь Следственного комитета, майор Артем Волков, уже возвращался с пробежки. Не по асфальтированным дорожкам парка — ноги сами несли его в бугристую чащу, где пахло хвоей, влажной землей и свободой. Он бежал, как загнанный зверь, пытаясь оставить позади своих призраков.

Беги быстрее, Волков, может, от себя убежишь, извил внутренний голос, что всегда звучал в тоне уставшего циника. Призраки бежали рядом, отдавая в такт стук сердца — кадрами из прошлого, которое не отпускало. Мужчина бежал легко, несмотря на крупное

телосложение, его дыхание было ровным, лишь капли пота на висках выдавали усилие. Артем не бегал — он сбегал. От тишины собственной квартиры, от снов, в которых смешивались обрывки прошлого.

Отличный план. Особенно, учитывая, что ты тащишь с собой эту чертову псину внутри, куда бы ни направлялся.

Артем вошел в свою берлогу на пятом этаже не как хозяин, а как заключенный, возвращающийся в камеру после прогулки. Весь пропахший лесом и потом, с равномерно вздымающейся грудной клеткой. На нем были старые спортивные штаны и темная футболка, прилипшая к спине. Дверь захлопнулась с глухим, обреченным звуком.

Ну, вот и дома, родной. Добро пожаловать в твой личный ад.

Он не был неряшливым, но его небрежность в одежде была естественной, как шерсть. Мужчина не думал о впечатлении, которое производил. Его присутствие — крупное, молчаливое, пахнущее дымом и хвоей — само по себе было фактом, с которым приходилось считаться.

Его квартира была оглушительно пустой. Молчаливой. Каждый предмет — диван, стол, холодильник — казалось, не просто стоял на своем месте, а застыл в нем, как в витрине музея, с табличкой «Жизнь, которая была». Он проходил на кухню, и ему чудилось, что стены хранят сам звук тишины, впитанный ими за годы. Иногда ему казалось, что если он заговорит вслух, то воздух не дрогнет, а слова, как камни, упадут на пол и покатаются под ноги, нарушая установленный порядок небытия.

Артем прошел на кухню, его плечи были напряжены. Взгляд упал на полку, где между пачкой чая и бан-

кой дешевого кофе стояла недопитая бутылка виски.
Искушение.

Вечером, отрезал он мысленно. Вечером, если доживешь. Награда за то, что ты продержался еще один день, не сорвавшись и не превратившись в мохнатое чудовище на глазах у всего отдела.

Повернувшись, Артем почти физически ощутил пустоту за своей спиной. Не просто отсутствие человека. Отсутствие жизни. Она здесь когда-то кипела: голос, запах готовящейся еды, смех. Теперь лишь отголоски, врезавшиеся в стены.

В душе, стоя под струями ледяной воды, он смыл с себя остатки ночи. Его нюх, всегда обостренный, на заре был особенно чуток. Он улавливал в квартире запахи, не слышимые для других: душная пыль на книжных полках, сладковатый аромат духов, который давно выветрился, но чей призрак все еще витал в спальне с закрытой дверью, и едкую ноту своего собственного горя.

Следователь не брился уже несколько дней. Щетина скрывала напряжение его челюсти. Он был несчастен и пуст. Где-то в глубине, под слоями вины и гнева, тлел уголек того, кем Артем был раньше — звезды отдела, души компании. Теперь он был ее молчаливым, грозным центром. И тенью себя прошлого.

Артем сел за стол. Ноутбук мигнул, выводя на экран папку с тремя именами. Три женщины. Три трупa. Никакой логики, никакой связи, кроме холодного, методичного почерка и той самой чертовой лешки. Мужчина с силой провел рукой по лицу, закрыв на экране папку.

— Тупик. Чистейший тупик.

Кликнув по уведомлению, на которое он никак не мог найти время, Артем уставился на файл из базы. К нему направили следователя из Москвы. *Специалист*. Он фыркнул. Обычно таких ссылали в их глушь либо в наказание, либо чтобы спихнуть с глаз долой. *Неудачник*.

Он открыл личное дело: «Вединская Майя Андреевна. Старший следователь СК РФ. Мещанский межрайонный следственный отдел г. Москвы. Переведена в центральный аппарат». Фотография. Артем всмотрелся: не суровое казенное лицо, как он ожидал, а... интересное. Даже очень. Смуглая кожа, острые скулы. И волосы... Медные, как расплавленный закат. *Ну конечно*.

Он пролистал дальше: «Образование: Академия МВД, второе высшее — психология. Тема диплома: “Психологический портрет серийного преступника с ритуальным компонентом”».

Рекомендация от... Павла Борисовича Зимина. Зам. начальника управления центрального аппарата. Весомая фигура.

Значит, не неудачница. Значит, протезе. Еще лучше.

Он углубился в последнее дело, над которым Рыжая работала в Москве. Похищение... Официальное заключение Вединской, приложенное к делу: «...вероятность инсценировки похищения с целью выкупа со стороны самого потерпевшего при пособничестве его близкого круга...»

Артем медленно откинулся на спинку стула.

Смело. Очень смело.

Но потом он нашел другое — сводку о задержании. Ковалев найден. Инсценировка подтвердилась. В графе «источник оперативной информации» стояли фа-

мии двух сотрудников СК, но гриф был странным — «по инициативе оперативного состава». Артем замер. Не по плану. Втихую, наперекор начальству. И попала в яблочко.

Так-так-так... Волков провел рукой по щетине. Значит, не просто красивое личико. Она упрямая. Идет против течения. *И, что важнее, оказывается права. Интересно.*

Ситуация мгновенно перестала быть простой. Это была не неудачница, а «наказанная праведница» с блестящим образованием, крутым нравом и могущественным покровителем. Самая опасная комбинация. Ее нельзя будет проигнорировать. Она — проблема, упакованная в очень привлекательную оболочку.

Его взгляд снова, против воли, прилип к фотографии. Медные волосы, завязанные в высокий хвост, упрямый подбородок. И глаза... Разные. Один зеленый, как лесная трава после грозы, другой теплый, янтарный, как мед. Как он сразу не заметил? Гетерохромия. *Редкость. И чертовски притягательная.*

Ну и что, мысленно буркнул он. *Красивая картинка.*

Но в тот момент, когда его взгляд скользнул по смуглой коже на фотографии, по тонкой шее, угадывающимся изгибам под служебной рубашкой, внутри что-то дрогнуло.

Тот, кого он годами держал на цепи глубоко внутри, за толстыми стенами контроля, вдруг *шевелинулся*.

Челюсть Артема загудела знакомой, тревожной болью. Клыки, спрятанные в деснах, заныли назойливым импульсом.

Спокойно, брат. Это всего лишь фотография. Всего лишь женщина.

Перед выходом Волков достал из кармана старый, затертый игральный кубик — кость. Он подбросил его в ладони, ощущая шершавые грани.

Единица — создам проблем и не позволю влезть в дело, чтобы сразу валила обратно в свою Москву. Шестерка... шестерка — дам Рыжей шанс.

Кубик выскользнул из крупной ладони, покатился по столу и брякнулся об пол. Майор не стал сразу смотреть на результат, позволив напряжению нарасти. Потом медленно опустил взгляд. На потрепанном линолеуме виднелась грань с шестью точками.